

Министерство образования и науки Монголии

Ховдский государственный университет

Министерство образования и науки

Российской Федерации

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

**ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ,
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ**

Материалы XII международной научной конференции

г. Ховд, Монголия, 18–21 сентября 2015 г.

Том II

Гуманитарные и социальные науки

Ховд – Томск
2015

П77

Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов : Материалы XII международной научной конференции. г. Ховд, Монголия, 18–21 сентября 2015 г. – Том II: Гуманитарные и социальные науки. – Ховд ; Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2015. – 206 с.

ISBN 978-5-94621-488-9

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Галажинский Э.В. – ректор Национального исследовательского Томского государственного университета (сопредседатель)

Янжмаа Ж. – ректор Ховдского государственного университета (сопредседатель)

Винокуров Ю.И. – директор Института водных экологических проблем СО РАН

Лхагвасүрэн Ч. – проректор по науке и инновациям Ховдского государственного университета

Ревушкин А.С. – советник при ректорате Национального исследовательского Томского государственного университета

Катунин Д.А. – доцент Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь

Цэрэнгомбо Ц. – доцент Ховдского государственного университета, ученый секретарь

ISBN 978-5-94621-488-9

© Авторы статей, 2015

© Ховдский государственный университет, 2015

© Томский государственный университет, 2015

АЛТАЙСКИЕ ТЕЛЕНГИТЫ В КОНТЕКСТЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ ИСТОРИИ

Исторический процесс потому и является общемировым, что все народы, как прошлого, так и настоящего, независимо от их численности и места проживания явно или опосредованно, полностью или частично, глубоко или поверхностно влияют на него. Следствием этого являются многочисленные, порой незримые нити, связывающие, казалось бы, отдаленные друг от друга во времени и пространстве, процессы, события, персонажи. И то, что на первый взгляд кажется случайным, спонтанным на самом деле является следствием закономерного, порой противоречивого развития.

Как известно, летом 1865 г. чуйские теленгиты стали подданными Российской империи, и это событие ознаменовало вхождение всего Горного Алтая в его современных границах в состав России. Между тем и история теленгитов, и условия, способствующие этому событию, разворачивались на огромной территории Евразии.

Как любой народ, теленгиты в своем развитии, прошли длительный период. Особенность же заключается в том, что, несмотря на бурные исторические события – становление и гибель кочевых империй Центральной Азии раннего средневековья, монгольские завоевания, цинско-халхасские вторжения и походы русских служилых людей, им удалось сохранить свой древний этноним. Этноним «теленгит» в форме «долангэ» впервые встречается в китайских хрониках о Первом тюркском каганате (6 - середина 7 вв.) среди племен теле. Истоки же самого племенного названия «теле» уходят в скифское, пазырыкское время и связаны с возможностью трансформации в гуннской, тюркоязычной среде этнонима «динлин» - названия одного из ираноязычных народов Южной Сибири, завоеванного Модэ в 201 г. до н.э. С середины 6 в. на территории Центральной Азии и Южной Сибири складываются две этнокультурные общности – тюрки-тугю, создавшие Первый и Второй тюркские каганаты, и подчиненные им тюрки-теле, силами которых, как пишут китайские хроники, тюрки «геройствовали в пустынях севера» [1. С. 48].

Среди телесских этнонимов древнетюркского времени сохранившихся до наших дней не так уж много. Хэйхо (вэйхо) – уйгуры, с 745 по 840 гг., контролировавшие Центральную Азию и Южную Сибирь в настоящее время сосредоточились на западе Китая, образуя СУАР, хотя род «уйгур» имеется в составе тувинцев; цюйше (кюйше) – кыпчаки, в качестве родов вошли в состав южных алтайцев, тянь-шаньских киргизов; гяньгуни – енисейские киргизы, в начале XVIII в., покинувшие Хакасию, сохранились на востоке Китая и в качестве рода у хакасов. От народа «аба» осталось только название речки и старинное наименование Кузнецкого острога - Аба-тура, от народа аз (ач) – названия двух рек Ача в Новосибирской области и Красноярском крае и двух городов, соответственно – Искитим и Ачинск. И, пожалуй, только два этнонима той поры сохранились именно как названия народов – это туба (тубалары) и теленгиты, и носители их обоих проживают в Горном Алтае, одни – на севере, а другие - на юге.

Предмонгольский, монгольский, прерусский периоды реконструировать сложно из-за недостатка источников, но можно предположить, что до конца XVI в., основные политические события вершились южнее – в Китае. Там развернулась борьба между монголами и династией Цзинь, закончившаяся гибелью последней и установлением монгольской династии Юань, с последующей гибелью ее и установлением китайской династии Мин в 1368 г. Последующие годы были не менее напряженными - в Центральной Азии, с XV в разгорелась борьба между западными и восточными монголами за гегемонию в степи. Оказавшись вне арены ожесточенных войн, в Горном Алтае, видимо, восстановились государственные структуры, но что они собой представляли, сказать сложно.

В конце XVI в. Горный Алтай вновь оказался в сфере интересов двух монгольских государств. С верховий Иртыша, в западные, центральные и южные районы устремились отряды ойратов во главе в Хара-Хулой, и эта территория стала частью чоросского улуса. Часть местного населения, спасаясь от вторжения, мигрировала на правый берег Оби, дав начало телеутскому улусу Абака и его потомков [2. С. 46]. Оставшееся население было втянуто в политические, экономические, культурные процессы Джунгарского ханства.

Примерно в это же время с юга, вдоль берегов Чуи, Аргута и Катуня в верхнее Приобье устремилась волна саянских мигрантов, что было связано с образованием государства Алтын-ханов в севе-

ро-западной Монголии и началом завоевания Тувы. Так в верхнем Приобье оказались чересполосно кочующие телеуты, орчаки, кожугеты, саянцы, а в устье Бии появились керсагалы [Там же. С. 44]. Отдельные группы тувинцев – саянцев осели в верховьях Чуи и на Ине. Так, к началу XVII в. коренное население Горного Алтая оказалось в разной политической подчиненности – западные и центральные районы – от Джунгарии, восточные и южные – по преимуществу – от Алтын-ханов. И это стало тем внешним, политическим фактором, который повлиял на начало их обособления и способствовал накоплению некоторых своеобразных культурных черт.

Этот период стал и временем русского проникновения в горы Алтая. Появление Томского, а затем в 1618 г. Кузнецкого острогов способствовало началу экспедиций русских служилых людей в «неразведанные земли». Как сообщает историк Сибири XVIII в. И. Фишер, в 1633 г. состоялся поход томских казаков в место слияния Бии и Катунь с целью заложить острог, но им помешали телеуты, контролировавшие Верхнее Приобье [3. С. 457].

Однако отряду Петра Собанского удалось дойти до истоков Бии и до озера, которое русскими было названо Телесским, т.к. на его северном берегу жили телесы, во главе которых стоял князь Мандрак. Встреча закончилась поражением телесов, бегством Мандрака и пленением его сына Айдара. Вместе с женой и матерью он был уведен в Томск. Через год Мандрак в сопровождении телеутов приехал в Томск, принял московское подданство и обещал платить ясак со своих подданных. Томские власти отпустили пленников. Но ясака в Томске так и не дождалась [Там же.]. В 1641 г. Петр Собанский с томскими и кузнецкими служилыми вновь пришел на берег Телесского озера, чтобы собрать ясак. Но телесы переселились на другую сторону берега, где имели укрепленный городок, и русским пришлось строить суда. Во время боевого столкновения Мандрак был взят в плен. Айдар мужественно сопротивлялся, а через 12 дней с противоположного берега озера пришла помощь. Но Айдар был пленен, а подкрепление было разбито [Там же. С. 458]. Мандрак вновь признал зависимость от Москвы и был отпущен на Чолушман, чтобы собрать со своих подданных телесов ясак в 50 соболей. Вся его семья была взята в качестве аманатов в Томск. И хотя самому князю удалось бежать, когда русский отряд плыл по Кокше, спустя год он сам пришел в Томск. Айдар с женой и матерью был освобожден, а Мандрак остался заложником. Спустя три года князь умер в Томске, и Айдар отказался платить ясак [Там же. С. 460].

В 1646 г. русские служилые в третий раз появились на берегу Телесского озера, чтобы вновь покорить телесов. Несмотря на тяжелые военные столкновения, их победа оказалась неполной, т.к. телеуты заявили о своих правах на телесов. В 1653 г., когда русские вновь появились в этих местах, то северный берег Телесского озера был пуст – часть телесов была уведена телеутами, которые к этому времени потеряли свою политическую самостоятельность, став подданными либо Москвы, либо Джунгарии [2. С. 79]. Часть телесов расселилась вдоль берегов озера, но большая их часть переселилась на недоступный для русских южный берег в бассейн Чолушмана и Башкауса, где и ранее обитали подданные Мандрака. Приняв в свою зависимость телеутов, джунгары распространили свою политическую власть и на телесов в бассейне Чолушмана. Но т.к. и русские считали, что телесы и их подданные, потому что Мандрак приносил шерть Москве, то за телесами закрепился статус двоedanцев - они одновременно считались зависимыми как от Московского царства, так и от Джунгарского ханства [4. С. 74].

В середине XVIII в. Телесская волость находилась в большей зависимости от Джунгарии, хотя и платила ясак России. Точное количество плательщиков ясака отсутствовало в окладных книгах Кузнецкого острога, а вся волость на протяжении второй пол. XVII- первой пол. XVIII вв. выплачивала ясак, «собираемого со 100 человек и более» [Там же. С. 83]. Претензии Джунгарии на телесов подтверждались неоднократными встречами в их землях джунгарских алманшиков и русских сборщиков ясака. Однако и Джунгария, и Россия не были заинтересованы в обострении отношений, и статус русско-джунгарских двоedanцев закрепился за телесами.

После окончательного поражения Алтын-ханов в ходе сражения с джунгарами в 1666 г. под стенами Красноярска и теленгиты Чуйской степи, стали данниками ойратов. Известно, что во второй половине XVII в. русские доходили до верховий Чуи, но закрепиться не смогли, получив мощное сопротивление со стороны теленгитов и саянцев. Ситуация резко меняется в середине XVIII в., когда в 1753 г. цинские отряды и подданные им халха вторгаются в пределы Джунгарии и Горного Алтая, причем один из отрядов, состоявший преимущественно из монголов, двигался вниз по Чуе. Начавшаяся джунгаро-китайская война вовлекла все население Горного Алтая в противостояние с Цинской империей. Исходом этой войны стало вхождение его населения в состав Российской империи. Однако слабость русских гарнизонов Колывано-Кузнецкой линии не могла препятствовать появлению в

горных районах цинских и монгольских отрядов. Телесы Башкауса и Чолушмана, а также Теленгиты Чуи и Аргута вынуждены были стать данниками цинского императора – Джунгарское ханство было уничтожено, и китайцы заявили о своих правах на все население бывшего ханства [2. С. 89].

Русские же власти заняли другую позицию – они объявили о том, что Джунгарское ханство было независимым государством, и после его гибели, бывшие подданные имеют право выбрать новое подданство, тем более, что большая их часть уже была русско-джунгарскими двоеданцами и, соответственно, Россия имела на них больше прав [Там же]. В 1757 г. посланные из Кузнецка в Телескую волость служилые, узнали, что туда уже приходили за ясаком китайцы и собирали по соболу с человека. Сенат потребовал от Лифаньюаня прекратить набеги на население Горного Алтая с целью грабежей и увода в плен, ссылаясь на то, что оно уже является подданными России. Цинское правительство оставляло без ответа подобные обращения и продолжало военные нападения и грабежи. В 1758г. отдельные цинские отряды дошли до улусов нижней Катунь и Бии, поднялись вверх по Бии, разоряя местное население – кумандинские, кузенскую, комляжскую волости [5. С. 102]. Русское правительство расценило новые вторжения как отказ цинского двора признать власть России над народами Горного Алтая. Было принято решение о разработке мер по защите местного населения от цинских нападений на тех землях, на которых они проживали [Там же. С. 106].

Вплоть до конца XVIII в. политическая ситуация в горном Алтае была сложная. Следствием этого стало утверждение статуса двоеданцев за населением бассейнов Чуи, Аргута, Башкауса и Чольшмана. Только теперь это означало их зависимость, как от Петербурга, так и от Пекина. В 1763 г. русские власти вынуждены были констатировать, что «тамошние татары (жители бассейна Чолушмана- Л.Ш.) принуждены были (ранее) калмыкам платить ясака алман, а ныне платят китайцам» [6. С. 391].

Так уже во второй раз именно внешнеполитический фактор повлиял на относительное обособление населения правобережья Катунь. Если население Центрального и Западного Алтая, перестав быть подданными Джунгарии, с 1756 г. вошло в состав Российской империи, то население восточного и южного Алтая вновь оказалось двоеданцами, но теперь уже России и Китая. Как ни странно, этот статус устраивал все три стороны: Россию потому, что ее внешняя политика во второй пол. XVIII-первой пол. XIX вв. по-прежнему была ориентирована на решение спорных вопросов, прежде всего, с Турцией, и основные военные силы сосредотачивались в Причерноморье и Крыму, что приводило к их недостатку в азиатской части. На этом же направлении была сосредоточена российская дипломатия, имевшая непростой опыт контактов с китайской стороной в XVII- начале XVIII вв., когда были подписаны Нерчинский и Кяхтинский договоры, не позволившие укрепиться России в Приамурье, Приморье, Туве. В этих условиях Россия предпочитала не обострять отношения с Цинской империей.

Для Китая, присоединившего в 1753-1756 гг. огромную территорию Джунгарского ханства и создавшего в 1760 г. на западной и северо-западной окраине новую провинцию Синьцзян, в которую помимо Джунгарии вошел и Восточный Туркестан, важно было там закрепиться в военном и политическом аспектах, учитывая сложные отношения с местным населением. Поэтому, несмотря на угрозы вплоть до применения военной силы против России в связи с ее позицией по защите бывших подданных Джунгарии, Цинская империя не особенно была заинтересована в реальном противостоянии. К тому же к середине XIX в. она заметно ослабла, чем постепенно стали пользоваться европейские державы, усиливая свое присутствие, прежде всего, в китайских портах. К тому же, для китайской внешней политики было характерно наличие своеобразных территориальных «буферов», где присутствие соседних государств было слабым.

Что касается самих двоеданцев, то они использовали свое положение, балансируя между Китаем и Россией. Это давало им значительную свободу во внутренних делах. Следует отметить, что в первой пол. XIX в. территория всего Горного Алтая слабо контролировалась российской стороной, что позволило населению Центрального и Западного Алтая воспроизводить джунгарскую модель административного устройства. Именно она стала основой при выделении 6 дючины в 1801 г. и 7 – 1819 г., т.е. уже более полвека находясь в составе Российской империи, алтайское общество продолжало жить, опираясь на джунгарский опыт [7. С. 242-243].

Еще меньшее российское влияние ощущалось в долинах Чуи, Чолушмана и Башкауса. В описаниях путешествий по Чуйской долине Бунге и Ледебура в 1826г., по берегам Телецкого озера Гельмерсена в 1832 г., Чихачева по Восточному и Западному Алтаю в 1842 г. фиксируется минимальное присутствие русской власти в этих местах, фактически полная свобода местного населения, абсолютная власть двух местных зайсанов и более тесные контакты с Китаем, нежели с Россией.

Сама граница скорее определялась с китайской стороны. В частности, П. Чихачев отмечал, что в верховьях Чуи «грубо набросанная груда камней, несколько черепов и рогов диких баранов ... слу-

жат обозначением границы между алтайцами-двоеданцами и тувинцами», а все «пограничные сторожевые посты заняты лишь жалкими, оборванными солдатами-монголами... Единственное оружие пограничной стражи – это лук и стрелы, и только у некоторых есть ружья грубой работы...» [8. С. 93].

Тем не менее, сведения о Чуйских двоеданцах фигурируют в делах Ясашной комиссии, начавшей свою работу в 1830 г. в соответствии с принятым в 1822 г. «Уставом об управлении инородцев», призванном обеспечить права и обязанности аборигенов Сибири. Без указания на численность населения и суммы выплачиваемого ясака, указывается что «ясак платят двоеданнические зайсаны Монгол Чебеков и Шурмек Менгечев, жительствующие у китайской границы» [9. Л. 53]. Особый статус двоеданцев нашел отражение в «Уставе...», в котором они наряду с чукчами образовывали отдельный четвертый разряд.

В губернской переписи 1849 г. указывалось, что «кроме калмык и татар имеют в Алтае кочевку две волости, считающиеся китайскими подданными и называющиеся двоеданцами, потому что ими за кочевку в российской границе платится ясак маральми шукурами таковой же отдается китайскому правительству» [10. Л. 294]. Но и в этой переписи не указана численность населения. Согласно данным Гагенмейстера в середине XIX в. мужское население двух Чуйских волостей составляло 1.500 человек [11. С. 19], соответственно все население приблизительно насчитывало приблизительно 7 с половиной тысяч человек.

Из документа следует, что даже местные - уездные и губернские власти - в середине XIX в. плохо представляли историческое прошлое, демографическую ситуацию и политическое положение двоеданцев. Основной тезис российской власти середине XVIII в. о защите местного населения от цинских нападений на тех землях, на которых они проживали, трансформировался в представление о российской принадлежности этой территории. Между тем, двоеданнический статус спорного населения, позволял России, не используя военную силу, расширять территориальные приобретения в Сибири. Так, после увода енисейских киргизов в Джунгарию двоеданцы Обь-Енисейского междуречья, лишившись зависимости от них, стали российскими подданными, как и двоеданническое население Обь-Иртышского междуречья после гибели Джунгарского ханства полностью перешло в российскую зависимость. Двоеданство давало возможность при ослаблении одной из политических сторон перевести его в подданство той, что усилилась, причем, без применения военной силы. Зависимость населения от того или иного государства автоматически обеспечивала его права и на территорию его проживания.

Поэтому и вопрос о чуйских двоеданцах решался в контексте российско-китайских отношений. И если во второй половине XIX в. Цинская империя ослабла, то Российская, несмотря на поражение в Крымской войне, постепенно разворачивалась в сторону активизации азиатской политики. Экспедиции Невельского в 1840-е гг. в Приморье и Приамурье показали отсутствие там постоянных китайских поселений и китайской власти – земли, оставленные русскими еще в XVII в. по-прежнему были «ничьи». Следствием этого стало подписание в 1858 г. Айгуньского договора, по которому Китай признал право России на эти территории. Пекинский договор 1860 г. подтвердил это, и 1861 г. начинаются российско-китайские переговоры об установлении границы от Тувы до Тянь-Шаня [12. С. 161]. Из этого следовало, что наступило время определяться и двоеданцам, т.к. именно политическое подданство давало государству-сюзерену права и на земли зависимого населения.

Но этот выбор двоеданцы должны были сделать сознательно, и он должен был иметь добровольный характер. К этому времени Российская империя приобрела вполне позитивный имидж среди народов Центральной Азии. К середине XIX в. в ее составе находились казахи Малого, Среднего и Большого Жузов, а на землях последнего в 1854 г. русскими было основано укрепление Верный (Алма-Ата). Вслед за казахами в подданство России перешли и киргизы Притяньшанья. Т.о. не только на Дальнем Востоке, но и в азиатской части две империи – Российская и Цинская – пришли в соприкосновение, что требовало территориального размежевания. В мае 1861 г. китайская сторона обратилась к генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю с просьбой прислать русских уполномоченных в Чугучак для проведения переговоров по пограничному размежеванию. Первая встреча русских и китайских уполномоченных состоялась в августе 1861 г. В результате еще нескольких встреч была достигнута договоренность об открытии официальных переговоров в следующем году, которые начались 17 июля 1862 г. Параллельно с переговорным процессом усилились китайские провокации среди российских подданных – казахов и киргизов. Китайские чиновники появлялись и в долине Чуи, склоняя местное население принять цинское подданство [Там же. С. 162].

Русская сторона отвечала мобилизацией своих войск в приграничных районах. Нервозность с обеих сторон достигла пика, когда летом 1862 г. между российскими и цинскими войсками произо-

шло военное столкновение [Там же.]. Несмотря на протесты российской стороны, цинские власти продолжали распространять антироссийские слухи среди пограничного населения. Тем не менее, 28 августа 1863 г. Цинское правительство согласилось принять российский проект прохождения линии границы между Россией и Китаем. Однако прошел еще год, прежде чем 25 сентября 1864г. в Чугучаке был подписан протокол об установлении русско-китайской границы от Алтая до Тянь-Шаня [Там же. С. 163].

Именно в этот период и решилась политическая судьба алтайских двоedanцев. В противовес китайским чиновникам, склонявшим их принять китайское подданство, в 1863 г. к ним был послан штабс-капитан А.Г. Принтц, которого в качестве переводчика сопровождал М.В. Чевалков, чью деятельность, направленную на убеждение двоedanцев сделать выбор в пользу России нельзя переоценить. В 1864 г. в качестве официального представителя российской власти в Чуйскую степь прибыл томский губернатор М.Г. Лерхе, также сопровождаемый М.В. Чевалковым. Местное население подтвердило свое желание сменить статус двоedanцев на подданных только Российской империи. Население 1-ой Чуйской волости официально было принято в российское подданство 10 октября 1864 г., а второй – 12 января 1865 г. Летом 1865г. обе волости принесли присягу на верность России [13. С. 80]. Таким образом, спустя более чем 100 лет после начала вхождения населения Горного Алтая в состав России, этот процесс закончился.

Для Китая это размежевание имело огромное значение, т.к. в 1864г. в Синьцзяне вспыхнуло мощное восстание местного населения, в результате которого цинские чиновники были изгнаны, а восставшие образовали свое государство Йеттишар, просуществовавшее 14 лет [14. С. 453-456]. Именно это восстание послужило главным фактором сговорчивости Пекина при подписании договора. Подписанный Чугучакский договор подтверждал право Цинской империи на Синьцзян, и российская сторона соблюдала территориальную целостность Китая.

Так в составе России оказались две Чуйские волости, известные из документов еще с XVII в. Большая часть телесов, окончательно покинув северный берег Телецкого озера и переместившись в долины Чулушмана и Башкауса, сменили свое административное название – из Телесской волости став 1 Чуйской волостью во главе которой стояли наследственные зайсаны из рода телес. Вторая Чуйская волость обрела свой облик позднее. Ее возглавляли представители рода кобёк, но с 1880-х гг. во главе ее стал представитель рода Саал.

Между тем, «Особенный разряд» чуйских двоedanцев был повторен и в «Положение об инородцах» 1892 г., что еще раз подчеркивало минимальное вмешательство русской власти в местные дела, хотя уже с 1865 г. они, потеряв статус двоedanцев, стали подданными только России.

П. Чихачев, посетивший Горный Алтай в 1842 г., отмечал, что «западные и восточные алтайцы ничем не отличаются друг от друга, и сами считают, что единственное отличие между ними определяется местом жительства. Восточные племена называют алтайцев, обосновавшихся западнее Катуня «алтай-киши» или «Катунь-киши», тогда как последние именуют своих восточных собратьев «Чуя-киши» [8. С. 58]. Примечательно, что те и другие называют себя «теленгитами». Показательно, что и потомки верхнеобских (позже, кузнецких) телеутов также называли себя «теленгит».

Таким образом, этноним «теленгит» еще в XIX в. был распространен как самоназвание не только среди Чуйских жителей, но использовался в Горном Алтае и даже за его пределами. Действительно, родовой состав современных теленгитов, алтай-кижи и телеутов фактически тождественный, к тому же, одноименные роды считаются кровнородственными. О широком распространении этнонима «теленгит» свидетельствует и пословица, записанная Г.Н. Потаниным – так алтайцы говорили, что «Теленгетов больше, чем пегой березы». Бытовало еще одно старинное выражение – «Шестьдесят туменов теленгитов», а т.к. каждый тумен равнялся 10 тыс. человек [15. С. 9], то следовало, что теленгиты составляли население в 600 тыс. человек, т.е. когда-то они были очень многочисленны.

Этноним «теленгит» был известен и русским в середине XVIII в. В русских документах этого времени территория Центрального и Западного Алтая обозначалась как «зенгорские Канские, Каракольские волости», население которых, как и ойраты, часто именовалось «калмыки», что отражало их политическую зависимость от Джунгарии и подверженность ее культурному влиянию. Несмотря на то что «Канские и Каракольские волости» часто упоминались вместе и представляли собой некое этнополитическое и культурное единство, видимо, сами они четко различали друг друга.

При переписке с русскими властями в 1756г. помимо указания на подвластные им волости, зайсаны отмечали свою этническую принадлежность. Так, зайсанами «теленгутов» называли себя «Намук, Церин, Буктуш, Бурут, Боохол» [Цит. по: 4. С.245], в другом документе некоторые из этих имен фигурируют как зайсаны «телеуцкого владения» [Там же. С. 242]. Так свою этническую принадлеж-

ность определяли Буктуш, Брут (Бурут), Номык (Намки), к которым добавились имена Кутука и Номыкая. Получается, что в середине XVIII в. этнонимы «теленгут» и «телеут» еще были синонимами, широко использовались местной элитой и, в первую очередь, соотносились с «Каракольской волостью», в которой видными фигурами были Кутук и его брат Мамут. Эта волость располагалась за Семинским перевалом на левобережье Катуня и соотносилась с Центральным Алтаем.

Кроме «Каракольской волости» русские выделяли в Горном Алтае «Зенгорскую Канскую волость», которая локализовалась в Западном Алтае и формирование которой отличалось еще большей сложностью. Помимо теленгетской этнической основы, частично подвергшейся ойратской аккультурации, она содержала в себе еще один этнокультурный пласт. Это нашло отражение в том, как свою этническую принадлежность определяли родственники Омбо. В документах «Омбин брат ... Омбин сын Болот» фигурируют как «уранхаевы зайсанги» [Там же. С. 241]. Учитывая патрилинейность, можно утверждать, что и сам Омбо был «уранхайцем». В разные периоды своего существования этот термин мог обозначать различную принадлежность той или иной группы населения: этническую, геополитическую, социально-экономическую, административно-территориальную. Поэтому столь важно определить внутреннее содержание термина (этнонима) «уранхай» на каждом конкретном историческом этапе существования того или иного этноса.

Исходя из русских документов, в середине XVIII века он обозначал достаточно обширную этнокультурную общность, захватывавшую не только западную часть горного Алтая, но и «урочище Уйман», где до ухода на Волгу кочевал зайсан Намжул (Наамжил), а также верховья Иртыша, где находились «владения» «уранхайских зайсанов» Гулчугая (Кулчугая), Бобоя, а впоследствии - Анжина и Хохоя [16. С. 169]. Подданные зайсана Омбы одновременно относили себя как к уранхайцам, так и к теленгутам, что свидетельствует о неустойчивости этнического самосознания и незаконченности аккультурации. К концу XIX в. «Канская и Каракольская волости» стали этнической основой современных алтай-кижи.

В XIX-начале XX вв. население левобережья Катуня в русских документах по-прежнему называлось «горными, джунгарскими, бийскими калмыками». Само население в этот период указывало свою родовую принадлежность либо приписку к определенной дючине, употребление этнонимов «теленгит» и «уранхай» почти не встречается ни в описаниях путешественников, ни, тем более, в деловых бумагах. Возможно, это было следствием тяжелых последствий джунгаро-китайской войны 1753-1756 гг. и набегов казахов, когда значительная часть населения Горного Алтая оказалась в плену. Пленных было так много, что произошло переосмысление этнонима «теленгит». В форме «теленгут» он стал обозначать зависимое население [17. С. 371], что придало ему негативный оттенок в глазах жителей Горного Алтая и стремление заменить его позитивным этнонимом.

Нахождение в составе России, с одной стороны, приводило к уменьшению этнической территории, но это усиливало консолидационные процессы, стирая прежние культурные различия между «теленгутами» и «уранхайцами», с другой стороны, минимальное вмешательство со стороны власти способствовало сохранению джунгарского политического и культурного наследия и усиливало консолидационные процессы, результатом чего и стало появление к началу XX в. нового этноса, который не был ни теленгутами, ни уранхайцами, и который принял новый этноним – алтай-кижи.

Этот процесс утверждение нового этнонима оказался достаточно длительным, и окончательно его закреплению способствовало принятие населением Центрального и Западного Алтая бурханнизма [18].

Показательно, что, как уже отмечалось, хотя еще в 1842 г. все население южнее Семинского перевала называло себя «теленгиты», но в то же время выделяло внутри себя «Алтай-киши» или «Катунь-киши» и «Чуя-киши», что свидетельствовало о появлении наряду с общей идентичностью – «теленгитской» новых региональных идентичностей, «привязанных» к разным рекам, по берегам которых они расселялись и которые подкреплялись наличием разных иноэтнических включений, что и определило формирование современных алтай-кижи и теленгитов.

Таким образом, на осмысление теленгитами себя и своего места влияло несколько факторов. С одной стороны, культурная близость, общий родовой состав с алтай-кижи, наличие вплоть до начала XX в., с некоторыми оговорками, общего этнонима – теленгит - способствовали сохранению общетеленгитского консолидационного потенциала. Но, с другой стороны, включение в свой состав какой-то части саянских мигрантов, оседавших по пути следования и взаимодействие с ними, привело к накоплению сойонского (тувинского) комплекса этнокультурных признаков. Сохранение шаманских традиций, принятие значительной частью населения Чолушмана и Башкауса православия, а также постоянные контакты с ламаистами Монголии и Тувы Чуйских теленгитов, неприятие бурханнизма

обособляло теленгитов Юго-Восточного Алтая от теленгитов (теленгутов, т.е. предков алтай-кижи) левобережья Катуня. Политические события, связанные с включением Центрального и Западного Алтая в состав России в 1756 г. и сохранением до 1864 г. статуса российско-китайских двоedanцев чуйскими теленгитами, существенно повлияли на осознание своей особенности обеими близкородственными группами.

Распад СССР и поиски новых идентичностей затронули все народы. Стремление укрепить общеалтайскую идентичность применительно как к южным, так и северным алтайцам спровоцировало поиск ими своей «особенной» идентичности, в чем им невольно помогло государство. В 1993 г. кумандинцы, как особый этнос, получили статус коренного малочисленного народа России, что сопровождалось включением их этнонима в официальный список российских народов. Следствием этого стало широко развернувшаяся среди челканцев, тубаларов, теленгитов аналогичная кампания, начавшаяся в середине 1990-х годов и увенчавшаяся успехом в 1999 г.: они также официально были признаны самостоятельными малочисленными коренными народами. И хотя относительно последствий этого существуют разные точки зрения, важным представляется то, что тот выбор, который сделали чуйские теленгиты сто лет назад, позволил сохранить целостность Горного Алтая, как особого этнокультурного региона Евразии, а сохранение древнего этнонима связало современное население Горного Алтая с легендарными древними тюрками, создававшими первые кочевые империи евразийских степей.

Литература

1. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркское время. Л.: Изд-во ЛГУ. 1984. 174 с.
2. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII-начала XXв. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. 2005. 312 с.
3. Фишер И.Э. Сибирская история. СПб. 1774. 631 с.
4. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIXв.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск. 1999. 256с.
5. Мойсеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М.: Восточная литература. 1983. 147с.
6. Бантыш-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 гг. Казань. 1882. 565 с.
7. Шерстова Л.И. Горный Алтай в XVI-XX вв.: джунгарское этнокультурное наследие //Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации. Барнаул: АлтГПА. 2012. С. 238-245.
8. Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука. 1974. 359 с.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 54.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 56.
11. Гагемейстер Г. Статистическое обозрение Сибири. СПб. 1854. Ч. 2. 196 с.196
12. Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М.: Астрель. 2004. 511 с.
13. История Республики Алтай. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография. Ч. 2. 2010. 472 с.
14. История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М.: Восточная литература. 1986. 583 с.
15. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб. 1883. 1025с
16. Потанин Г.Н. Пространство Северного Казахстана и Сибири по документальным публикациям Г.Н. Потанина. Томск: Том. гос. ун-т, 2013. 314с.
17. Землеведение Азии Карла Риттера. СПб. Т. 4. 1877. 695 с.
18. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: ТГУ. 2010. 288 с.